

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо введения	4
Глава 1. В.Н. Татищев	17
Глава 2. А.Д. Кантемир. А.П. Сумароков. В.Ф. Третьяковский	26
Глава 3. М.В. Ломоносов	37
Глава 4. Н.И. Новиков. Г.-Ф. Миллер	44
Глава 5. М.М. Щербатов	55
Глава 6. Г.Р. Державин	62
Глава 7. Д.И. Фонвизин	68
Глава 8. А.Н. Радищев	76
Глава 9. Н.М. Карамзин	93
Глава 10. И.А. Крылов	103
Глава 11. Ф.В. Ростопчин	113
Глава 12. А.С. Шишков	120
Глава 13. Масоны. И.В. Лопухин. О.А. Поздеев	130
Глава 14. «Арзамас»	138
Глава 15. А.С. Грибоедов	147
Глава 16. В.Н. Карамзин	153
Глава 17. Декабристы. К.Ф. Рылеев	166
Глава 18. П.А. Вяземский	182
Глава 19. А.С. Пушкин	194
Глава 20. М.Ю. Лермонтов	213
Глава 21. Н.В. Гоголь	222
Глава 22. И.Ф. Г. Эверс. М.Т. Каченовский. Н.А. Полевой	232
Глава 23. С.С. Уваров	238
Глава 24. М.П. Погодин. С.П. Шевырев. Н.Г. Устрялов	247
Глава 25. Ф.В. Булгарин. Н. И. Греч	257
Глава 26. Западники. К.Д. Кавелин. Б.Н. Чичерин. С.М. Соловьёв. И.С. Тургенев	268
Глава 27. В.Г. Белинский. А.И. Герцен. Н.П. Огарёв. Д.В. Григорович. Н.А. Некрасов	281
Глава 28. Славянофилы. А.С. Хомяков. К.С. Аксаков. И.С. Аксаков. Ю.Ф. Самарин. Ф.И. Тютчев	296
Глава 29. Кирилло-Мефодиевское общество. Н.И. Костомаров. Т.Г. Шевченко	310
Глава 30. Петрашевцы. Ф.М. Достоевский	316
Вместо заключения. Проблемы терминологии	325
Краткий библиографический список	335

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Представленные в заглавии работы слова, принадлежащие А.С. Пушкину из его стихотворения 1819 г. «Деревня», дают пищу для обсуждения важнейшего вопроса внутренней российской жизни XVIII – первой половины XIX в. – крестьянского. Специфика его обсуждения, прежде всего, в дворянских кругах Российской империи заключалась в том, что и сторонники сохранения крепостного права, и его явные противники, в сущности, были представителями одного класса российского общества – его элиты, дворянства, причем, в основном, помещного, владевшего теми же крестьянами, о которых писали и в отношении которых расходились во мнениях об их будущем и тогдашнем положении.

Среди них достаточно было и людей просвещенных, в том числе «пиитов» разного рода, прозаиков, творцов беллетристики, литераторов вообще. Как писал Е.А. Евтушенко, «поэт в России больше, чем поэт...». Это положение верно, по крайней мере, для предшествующих эпох отечественной литературы, когда представители пишущей братии оказывали значительное влияние на общественную атмосферу, поэтому интересно посмотреть на воззрения этой публики в интересующую нас эпоху XVIII – первой половины XIX в. по наиболее острому тогдашнему вопросу о крепостном праве. Именно им и их воззрениям по этому вопросу посвящена данная книга. Стоит сразу заметить, что отбор лиц для рассмотрения здесь довольно сложен. Сюда включены не только профессиональные литераторы, но и люди, писавшие на разные темы, в том числе историки. По большей части исследование состоит из отдельных очерков, созданных автором в течение ряда лет и объединенных этой тематикой, важнейшей для российской общественной мысли дореформенного периода. Создание данной книги должно восполнить недостаток подобных публикаций (в особенности) в отечественной историографии. При этом крайне сложно охватить все многообразие тогдашней литературы, и мы на это не претендуем, останавливаясь по преимуществу на главных ее фигурах, в особенности на тех, которые проявили себя в изучаемой нами сфере.

Совершенно очевидно, что крестьянская реформа 1861 г., впрочем, как и другие «великие реформы» 1860-х – 1870-х гг., своими предпосылками имела не только сугубо экономические причины, тот же кризис крепостничества, а также внешнеполитические обстоятельства, связанные с поражением в Крымской войне, поставившим Россию и ее властные структуры перед ситуацией возможной потери ее могущества и превращения во второразрядную державу; наконец, в связи

с опасениями всероссийского крестьянского бунта, который в той или иной степени назревал (что, в принципе, нельзя отрицать), но и необходимо заметить, что важной их составляющей стали общественно-политические сдвиги, общественное мнение, благоприятное реформам (которое начало создаваться, видимо, с рубежа XVIII–XIX вв., с похорон А.В. Суворова и реакции на убийство Павла I). Его развитие было также связано и с российской журналистикой, печатью и художественной литературой, которые, несмотря на рогатки цензуры (усилившейся с начала 1820-х гг. и достигшей пика в последнее семилетие правления Николая I), создавали новый климат в тогдашнем «обществе», преимущественно дворянском, означали появление чувства «стыда» в правящем сословии империи за владение людьми (вспомним в этой связи статьи Н.М. Карамзина в «Вестнике Европы», сентиментализм В.А. Жуковского, влияние стихов А.С. Пушкина, А.В. Кольцова, Н.А. Некрасова и др.).

Эти факторы, оказывавшие влияние на атмосферу подготовки в том числе и крестьянской реформы на дальних и ближних подступах к ней отрицать невозможно несмотря на то, что они, с нашей точки зрения, демонстративно отвергались в советской литературе, не желавшей отмечать этот фактор, также ведущий к реформе. Ситуация с ее подготовкой (мы не будем уже говорить об особенностях ее проведения и результатах, так как это выходит за рамки нашего исследования) также выглядит сегодня довольно актуально в связи с многочисленными инсинуациями на сей счет, с созданием в литературе картины насчет преждевременности проведения отмены крепостного права, наконец, в связи с прямой апологетикой крепостничества в России в ряде современных работ, представлявшие прямую ревизию представлений о крепостном праве в России [1].

По нашему мнению, здесь можно выделить несколько точек зрения. Современные авторы – Л.М. Рянский и Р.Л. Рянский – утверждали, что помещичья эксплуатация владельческой деревни (в частности, в Курской губернии) не была чрезмерной. Они считали неверным положение о том, что рост помещичьих притязаний «подрывал» производительные силы крестьянского хозяйства и экономику страны в целом, так как землевладельцы «хорошо осознавали» ее вред и «прямую зависимость собственного благополучия от состояния хозяйства и положения крестьян», что в тогдашних высказываниях помещиков не было заметно «какого-то классового интереса и апологии крепостных порядков», что они имели «лишь исключительно хозяйственный оттенок», что помещикам здесь мешала крестьянская община, создавая огромные трудности в наращивании эксплуатации, а также правительственная регламентация, ограничивавшая их притязания, что некоторые помещики помогали своим крестьянам, что положение последних в ряде имений было «комфортным» и др. [2].

Подвергая критике тезис В.И. Ленина о кризисе крепостничества как важнейшем факторе, приведшем к отмене крепостного права, Л.М. Рянский утверждал, что «в первой половине XIX в. в помещичьей деревне Черноземного центра не наблюдалось системного кризиса». По его мнению, «и в экономике страны в целом также преобладали прогрессивные тенденции. Тем не менее, она, вне всякого сомнения, остро нуждалась в освободительных реформах. Оставаясь крепостнической, Россия была не в состоянии ответить вполне адекватно на вызовы времени. Это со всей очевидностью продемонстрировало ее поражение в Крымской войне» [3].

П.Б. Струве в свое время исходил из вполне определенного тезиса о том, что наш «крестьянин-земледелец – плохой сельскохозяйственный предприниматель» в связи с его «неподготовленностью... к товарному производству». Поэтому именно помещичье хозяйство в предреформенные десятилетия «было денежно-хозяйственным клином, глубоко вбитым в натурально-хозяйственное тело страны», являлось своеобразным «регулятором» рынка, «при низком уровне денежных затрат» становясь «своеобразным клапаном, спасавшим... узкий рынок сельскохозяйственных продуктов от опасного переполнения в годы обильных урожаев». При этом ликвидация пережитков крепостничества ставилась им «в зависимость от предварительного расширения» этого рынка. Спасительным фактором здесь стало, по мнению исследователя, бурное железнодорожное строительство, которое в пореформенное время и защитило страну от «натурально-хозяйственной реакции», связанной с реформой 1861 г. И именно в этом, а не в кризисе крепостного хозяйства он видел источник и предпосылку реформы, а само «крепостное хозяйство... экономически не созрело к своей отмене в 1861 г.», поэтому реформа, рассматриваемая как искусственный акт сверху, только его «подорвала» [4].

Несколько иных позиций придерживался здесь В.И. Ленин в цикле статей 1911 г., связанных с 50-летним юбилеем крестьянской реформы. Особенно показательна работа «"Крестьянская реформа" и пролетарски-крестьянская революция». Речь здесь зашла о «силе экономического развития, втягивавшего Россию на путь капитализма», о кризисе крепостнической системы. Было отмечено поражение в Крымской войне, показавшей «гнилость и бессилие крепостной России», важное место заняли «крестьянские "бунты"», которые, «возрастая с каждым десятилетием», заставили власти пойти на крестьянское освобождение, не дожидаясь всеобщего народного взрыва. А сама реформа, проводившаяся «крепостниками», стала шагом «по пути превращения России в буржуазную монархию». Мотивов гуманности со стороны властей и правящей элиты он не отмечал, по-видимому, нарочито [5].

По мнению виднейшего знатока вопроса П.А. Зайончковского, основными предпосылками для реформы 1861 г. были следующие факторы: 1) кризис феодально-крепостнической системы, хотя он «не привел к экономическому упадку... потому, что дальнейшее развитие происходило на базе новых, капиталистических отношений», что обусловило «известные успехи в развитии сельского хозяйства, а также отдельных отраслей промышленности»; 2) осознание правительством опасности для государства, «имея в виду возможность крестьянского восстания»; 3) поражение в Крымской войне; 4) появление в среде правящего класса определенной группы деятелей, поддерживающих идею реформы. П.А. Зайончковский здесь довольно аккуратно проводил мысль о роли части элиты и правящего сословия, «споспешествовавших» данной реформе.

Еще более резко эти новые тенденции в оценке реформы 1861 г. и ее предпосылок заметны в работах Б.Н. Миронова, указывавшего на то, что «частное крепостное право» (а именно о нем идет здесь, прежде всего, речь), было отменено благодаря отрицательному отношению к нему верховной власти, церкви и прогрессивной части общества, смягчению нравов, повышению образовательного и культурного уровня населения, пробуждению самосознания у крестьянства и его настойчивой борьбе за свое освобождение, коммерциализации экономики». Приоритеты здесь были расставлены иначе, речь практически не шла о кризисе крепостничества как предпосылке реформы, да и роль «крестьянской» опасности явно снижена, о чем писал и С.В. Мироненко, отмечавший, что дело здесь состояло «не в размахе крестьянского движения..., а в его направленности», стремлении крестьян к свободе [6].

Не вдаваясь подробно в эти дискуссии, отметим и наше понимание так называемого крестьянского вопроса в России в ту эпоху, который состоял в понимании необходимости изменения состояния в особенности владельческих крестьян (неточно именуемых часто «крепостными», так как последними были все крестьяне той поры, в том числе и казенные или государственные, составлявшие от трети до половины всего крестьянского «состояния» или сословия), хотя само это сословие (по нашему определению, «большая группа людей, отличавшаяся объемом прав зафиксированных в писаном праве»), судя по всему, оформилось окончательно уже только в эпоху «великих реформ».

Крепостное право в России прошло несколько этапов своего развития. На первом этапе, примерно до середины XVII в., до Соборного уложения 1649 г., речь шла о постепенном прикреплении всего населения, в том числе и крестьянства, составлявшего более 90 % его числа, к «государеву тяглу», в том числе и к земле, вотчинной, поместной, церковной или государственной. Соборное уложение 1649 г. зафиксировало эту ситуацию, однако крестьянство при этом сохраняло еще не-

которые права, в том числе в отношении земельной собственности (скорее владения, так как о частной собственности можно будет говорить, и то применительно к дворянской, лишь после Жалованной грамоты 1785 г.). При этом в том или ином виде это крестьянство будет лично зависеть от реальных владельцев земли, постепенно расширявших свою власть над ними уже во второй половине XVII в. Особенно это обстоятельство касалось собственно владельческих крестьян, в отношении которых после Соборного уложения появляются у землевладельцев права (не совсем еще зафиксированные законом, но реально существовавшие), например, право продажи людей без земли.

Новым этапом развития крепостного права стала петровская податная реформа рубежа 1710-х – 1720-х гг., которая (кроме унификации всего крестьянства и разделения его на государственных и владельческих, среди которых выделялись и крестьяне, подчиненные императорской фамилии) объединила в одну категорию собственно крестьян, тех, кто «сидел на земле», и бывших холопов. Первые реально потеряли все имевшиеся у них права, вторые – право выйти на свободу после смерти господина. Так или иначе, с петровской податной реформы начался новый этап реального крепостничества – этап превращения крепостного права из права «по земле» в право «по лицу» господина (как об этом в свое время писали И.Н. Болтин и М.М. Сперанский), то есть превращения фактически владельческого крестьянина в раба (несколько иначе будет в дальнейшем выглядеть судьба казенных крестьян, подвергавшихся государственной эксплуатации, но не превратившихся в рабов). Эта тенденция будет иметь место в течение XVIII в. При этом традиционная точка зрения насчет изменений в крепостном праве, характерная для отечественной историографии, связывавшая эти кардинальные сдвиги по преимуществу с законодательством эпохи дворцовых переворотов и особенно 1760-х гг., нами не разделяется.

Не законодательство середины – второй половины XVIII в., а реальное изменение ситуации на уровне быта, особенно после Манифеста о вольности дворянства 1762 г., реализованного при Екатерине II, привело к массовому переселению дворянства в деревню, радикально изменило эту ситуацию. Исходным здесь все же было не это законодательство (особенно при этом выделяли исследователи указы о праве помещиков ссылать своих крестьян в Сибирь на поселение 1760 г. который распространялся и на другие категории населения, но там решения о высылке принимались соответствующими «обществами» – читай государством, а здесь именно помещиками, а государство только реализовывало их желания: это другое дело, акт 1765 г. о праве помещиков ссылать своих крестьян на каторгу с правом их возвращения обратно, указ 1767 г. о запрещении крестьянских жалоб на помещиков на высочайшее имя). И возбуждение в тогдешнем «обществе» крестьянского вопроса, особенно с екатерининского времени,

здесь мало что изменило. Типичным в определенной степени для того времени стал образованный помещик, читающий Вольтера, в то время как на конюшне пороли очередного крестьянина или дворового человека, о чем писали и современники, и ближайшие потомки [7].

Этот «просвещенный цинизм» сути дела не менял. Однако, начиная с павловского времени, государственная власть перешла к постепенному изменению политики в данной сфере. Другое дело, что реальная суть взаимоотношений в помещичьей деревне изменилась мало, о чем будет писать и А.Н. Радищев, и А.С. Пушкин, и другие мыслители рубежа XVIII–XIX вв. Павловские ограничения, в частности Манифест 1797 г., рекомендовавший не заставлять крестьян работать на барина более 3 дней в неделю и запрещавший воскресную барщину под предлогом службу богу, исполнялся, как и многое другое, по-разному (как в России и вообще исполнялись законы, да еще в каком-то смысле работавшие в пользу низов общества). Тем не менее движение в этом направлении пошло. Александровское время дало здесь несколько важных новаций – прежде всего, указ 1803 г. о «вольных хлебопашцах», дававший помещикам легальную возможность освобождать крестьян, да еще и с землею. Многократное обсуждение мер, ограничивавших крепостное право, в частности продажу людей без земли в том числе в Непременном и Государственном совете (1801–1802, 1820 гг.), не привело к реальным успехам в этом отношении, другие меры касались еще более скромных ограничений помещичьей власти. В 1816–1819 гг. были освобождены без земли крестьяне так называемых Остзейских губерний.

Эти меры при Николае I были дополнены указом 1842 г. о так называемых «обязанных» крестьянах [8], а также целой серией мелких актов об ограничении помещичьих прав, в особенности указами 1833, 1835 и др. об ограничении и даже запрете продажи людей без земли, которые, тем не менее, плохо исполнялись в реальной жизни. Суть дела оставалась прежней, хотя многие секретные комитеты николаевского царствования кое-что создали в этом отношении, а их наработки будут использованы позднейшими реформаторами уже при Александре II. Итак, со времен Павла I можно говорить об иной направленности правительственного законодательства и политики в данной сфере, приближающей пору крестьянского освобождения, хотя оно само произошло лишь под прямым воздействием поражения в Крымской войне, обнажившего пороки и беды России и приведшего к серьезному сдвигу в позиции правительства – эпохе «великих реформ» [9].

Так или иначе, эти зигзаги в политике самодержавия отразились в том числе и на позициях просвещенного (а иногда и не только просвещенного) дворянства, в той или иной мере сочувствовавшего в этом деле власти или, наоборот, проти-

вопоставлявшего ей свои позиции, основанные на сохранении существующих порядков. В данном исследовании мы не будем останавливаться на мнениях и проектах по крестьянскому вопросу тех или иных государственных сановников, таких как Г.А. Потемкин, М.М. Сперанский, А.А. Аракчеев, В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцев, А.Е. Чарторыский, П.А. Строганов, П.Д. Киселев, Н.С. Мордвинов, М.С. Воронцов, в той или иной степени влиявших на решение данной вековой проблемы России (хотя о некоторых из них, оставивших наибольший след в русской литературе и публицистике, таких как Г.Р. Державин, С.С. Уваров, А.С. Шишков, мы все же пишем). По ряду сюжетов, связанных с ними, сказано уже много, в том числе и нами [10].

Но эти явления, бесспорно, отразились и в российской «нечиновной» публицистике всего дореформенного периода, и в художественной литературе. Ясно при этом, что писатели и публицисты ориентировались на властные структуры и их посылы к реформам, что, вообще говоря, отразилось на таком, как ни странно, массовом источнике как дворянские проекты решения крестьянского вопроса, поступавшие в различные структуры империи, монарху и высшим должностным лицам, нашедшие свое отражение в записках, дневниках и выступлениях в различных государственных учреждениях на эту тему. Эти источники в таком объеме раньше не исследовались историками [11].

Вышеуказанные тенденции в политике самодержавия в сфере решения крестьянского вопроса будут характерны и для художественных произведений крупнейших представителей русской литературы данного периода. При этом очевидно, что практически все эти мыслители были потомственными дворянами, что они, несмотря на те или иные воззрения (в отношении которых существуют разные суждения и используется разная терминология: «либерализм», «просвещенный консерватизм», «свободные консерваторы», «просветительство», «просвещенная бюрократия» и др., в понимании которой нет единства, на что указывал П.В. Акульшин) [12], крестьян на волю не отпускали (за крайне небольшим исключением, да и то лишь в отношении дворовых людей, стариков или иногда за особые заслуги управителей своих вотчин). Такова была реальная сторона прекраснодушных мечтаний, часто имевших место в поэтических и прозаических трудах многих из них – в этом проклятие века, это так называемые «проклятые» вопросы, о которых как-то не принято было говорить. Пожалуй, никто кроме В.И. Семевского и ранних советских авторов об этом и не писал, существовало на сей счет железное табу. Теперь пришла пора писать и об этом [13].

Действительно, стоило бы задаться этим одним из «проклятых вопросов» нашей истории: почему «борцы за счастье народное» – от декабристов (П.И. Пестель, К.Ф. Рылеев, Н.М. Муравьев и др.) до народных заступников

предреформенной эпохи (М.Ю. Лермонтов, И.С. Тургенев, Н.А. Некрасов и другие помещики-землевладельцы) – так и не освободили своих крестьян, а если и пытались это сделать, то делали это так, что вызывали возмущение у крестьян и даже у государственных чиновников, в связи с их негативным отношением последних, например, к безземельному освобождению «подданных», как это было в истории с И.Д. Якушкиным 1819 г. Причем в ту же пору подобные (с точностью наоборот) действия предпринимали люди, руководствовавшиеся не только и не столько добрыми мотивами, но и реальным прагматизмом (литературный пример – Андрей Болконский и Пьер Безухов – здесь Л.Н. Толстой исторически достоверен), достигавшие здесь реальных результатов (более 100000 освобожденных до реформы 1861 г. крестьян только по указу о вольных хлебопашцах 1803 г., тем более что крепостным было безразлично, по каким мотивам они получали вожденную свободу, пусть и за выкуп). Другое дело – вопрос об освобождении крестьян с землей или без нее (как в Остзейских губерниях с 1816–1819 гг.). Проблема в том, что, например, декабристы, как и их «визави» Николай I, не могли себе представить эмансипации крестьян с землей (первые лишились бы имущества и по миру бы пошли, либо вынуждены были бы служить всю жизнь, чтобы обеспечить семейства; второй считал такое освобождение несправедливым, так как оно нарушило бы баланс в обществе, существенно сказавшись на государственной безопасности и сулило бы беды самому носителю власти – благо, на памяти был пример Павла). Но у монаршей власти была еще государственная собственность, ее (выражаясь флотским термином) «стойчивость» была более надежной, чем у дворянства. Поэтому, в отличие от правящего сословия, лишь монарх мог пойти на такую меру как освобождение крестьянства, что и было сделано позднее Александром II. Заметим здесь, между прочим, что разрыв между словом и делом характерен для людей и идеологов разных эпох [14].

Показательно в связи с этим мнение «высшего круга тамбовского общества» 1848 г., своеобразно интерпретировавшего выступление императора 21 марта 1848 г. при приеме депутации петербургских дворян, где он говорил о ситуации в стране и в особенности в деревне. Дворянство региона, по сведениям III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, определило, что государь полагал, что из 50 человек дворян «15 считается очень хороших, 25 посредственных и 10... негодных». К сожалению, мы не можем однозначно определить место в этом ряду дворян-писателей, дворян-поэтов и др., но полагаем, что, в основном, они входили в первую и вторую категорию по данной градации. Еще один аспект вопроса заключается в том, во имя чего выступали многие из сторонников изменения (в той или иной степени) положения владельческих крестьян. Приведем в этой связи отрывок из письма А.И. Тургенева П.А.

Вяземскому от 18 сентября 1818 г.: «Брат (Н.И. Тургенев – А.Д.) возвратился из деревни и тебе кланяется. Он привел там в действие либерализм свой: уничтожил барщину и посадил на оброк мужиков наших, уменьшил чрез то доходы наши. Но поступил справедливо, следовательно, и согласно с нашею пользою...» [15]. Комментарии излишни.

Наконец, нельзя игнорировать и такой аспект проблемы, как изменение позиций ряда мыслителей в связи с колебаниями правительственного курса в данной сфере решения, скажем, переход сторонников политики эмансипации крестьянства на сторону ее противников особенно после начала подготовки самой реформы при Александре II, или наоборот, как отмечал в свое время Н.К. Каратаев [16].

Отметим, в заключение, что настоящая работа состоит из нескольких десятков небольших глав, связанных с именем того или иного представителя умственной элиты той или иной эпохи, как правило, крупного писателя, поэта или журналиста, а иногда и с направлением общественной мысли, к которому они принадлежали. В книге приводятся основные данные, касающиеся взглядов этих деятелей середины XVIII – первой половине XIX в. по данной проблематике, иногда рассматриваются и другие стороны их мировоззрения, в той или иной степени связанные с ней. Представлены и основные позиции в существующей историографии на сей счет, и высказывается наша точка зрения [17].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Одна из них наиболее ярко представлена в эссе А.Н. Савельева: «Выдумки о "темном царстве" крепостничества». По его словам, крепостное право в России «распределяло социальные роли: крестьянство содержало дворянское воинство, защищавшее его. Кроме того, оно исполняло социальную функцию власти, связанную с русским менталитетом, склонным к мечтаниям и побуждающим к странствиям... Привязанность русского крестьянина к земле была необходима, ведь только так можно было удержать и сохранить хозяйственный механизм, в котором постепенно складывались условия для развития России... Отношения зависимости, которые, согласно марксистской историософии, называются "феодальными", не были однозначно негативными. Они структурировали и стабилизировали общество, позволяя ему плодотворно развиваться. Невозможно представить себе забитого и нищего русского крестьянина в образе чудо-богатыря – суворовского солдата, пришедшего на государеву службу из крепостных. Невозможно совместить рассказы об ужасах крепостничества с биографией Михайло Ломоносова. Собственно, торопливая и непродуманная отмена крепостного права была связана с патристическим порывом крестьянства, которое решило, что наступает новая отечественная война с Европой, и для победы над ней... необходимо народное ополчение. Несомненно большое значение отмены крепостного права сформировано не фактами истории, а пропагандой... Значительную роль в искажении сути и роли крепостного права сыграло "народническое" направление в русской литературе, которое... использовалось коммунистическими идеологами, чтобы оправдать большевистский погром и представить его как волеизъявление народа... Картины бедствия крестьян, описанные Радищевым... – следствие помрачения рассудка автора, искажающего восприятие социальной действительности». Однако «ощущение кризиса в вопросе о крепостном праве преследовало властные и общественные круги России с начала XIX в. Но реформы откладывались по двум причинам: после восстания декабристов стало ясно, что предоставление более широких прав личности чревато революционным взрывом и распадом государства, а попытка обязать землевладельцев большей ответственностью за положение крестьян чревато государственным переворотом». Кроме того, «нужно было время, чтобы

научить крестьянство самостоятельной жизни, без помощи государства и помещика. С другой стороны, нужно было превратить помещика из нахлебника и самодура в предпринимателя. Ни того, ни другого тогда несвоевременная отмена крепостного права не обеспечила, потому что проводилась исходя не из государственной необходимости, а из стремления следовать прогрессивным тенденциям Европы» (Савельев А.Н. Выдумки о «темном царстве» крепостничества. 2011. № 2. февраль) – URL: www.russsdom.ru/node/3671 (дата обращения: 20.6.2024 г.).

2. Рянский Л.М., Рянский Р.Л. Очерки социально-экономической истории крепостной деревни Курской губернии первой половины XIX в. Курск, 2009. С. 124-128; Рянский Л.М. Помещичьи крестьяне Черноземного центра в конце XVIII – первой половине XIX в. Курск, 2010. С. 65-73.

3. Рянский Л.М. Эволюция социально-хозяйственной жизни крепостной деревни Черноземного центра в конце XVIII – первой половине XIX в.: Автореферат дисс... д.и.н. Курск, 2011. С. 42. Именно этому поражению в войне уделял в данном контексте особое внимание современный исследователь А.Г. Данилов, полагая, что оно изменило сознание части общества и соотношение сил в нем, что заставило и власть пойти на искомые преобразования. С этими, в целом, согласны авторы исследования «История России: конец или новое начало?», указывавшие на «надсловный общий интерес» к реформе, обостренный для элиты России поражением в Крымской войне и усиливший для нее «чувство государственной ответственности», рост крестьянского населения, для которого не хватало земли в помещичьих имениях (странное положение! – А.Д.), заложенность этих имений, которые уже фактически не принадлежали дворянам, что и подготавливало их «к мысли о том, что крепостное право себя изжило» (Данилов А.Г. Альтернативы в истории России: миф или реальность (XIV–XIX вв.). Ростов-на-Дону, 2007. С. 255-256; Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? М., 2008. С. 228-229).

4. Струве П.Б. Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв. М., 1913. с. 83, 98, 154, 159; Сахаров А.М. Историография истории СССР. Досоветский период: Учебное пособие. М., 1978. С. 226; Рубинштейн Н.Л. Русская историография. СПб., 2008. С. 619-620. См. также: Шапиро А.Л. Русская историография с древнейших времен до 1917 г.: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. М., 1993. С. 607-610. Вопрос о предпосылках реформы интересовал и К. Маркса. По его словам, «чисто государственные интересы» заставили власти Российской империи идти на преобразования, а крымское поражение и народное недовольство лишь усугубили ситуацию. Практически он не видел в России кризиса крепостничества, хотя обращал внимание на сложное финансовое положение дворянства в ту пору. Маркс не отмечал и мотивов «гуманности» со стороны властей в деле проведения реформы. (Маркс К. Вопрос об отмене крепостного права в России // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2. М., 1958. Т. 12. С. 605-608; его же. Об освобождении крестьян в России // Там же. С. 692-701; Долгих А.Н. К. Маркс о правительственной политике России по крестьянскому вопросу в дореформенный период // Обществоведческое образование (география, история, обществознание, право): новое измерение: Сборник материалов областной научно-практической конференции. Липецк, 2008. С. 13-18).

5. Ленин В.И. «Крестьянская реформа» и пролетарски-крестьянская революция // Полн. собр. соч. М., 1973. Т. 20. С. 173.

6. Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. Изд. 3-е, перераб. и доп. М., 1968. С. 345-346; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 1999. Т. 1. С. 408; Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. Политическая история России первой половины XIX столетия. М., 1990. С. 113. Т. 1.

7. Крылов И.А. Сочинения: В 2 т. / Под набл. Н.Л. Степанова. М., 1969. С. 160; Давыдов Д.В. Стихотворения / Подг. текста, вступ. ст., сост. и примеч. В. Афанасьева. М., 1979. С. 140-141.

8. См. мнение об указе 1842 г. А.В. Никитенко: «Мое мнение, что указ этот не есть окончательная мера; он слишком странен и противен политике. Одно из двух: или это первый шаг, за которым последуют другие, или существуют секретные дополнительные предписания местным властям, чтобы они склонили дворянство понять волю государя и приступить к добровольной сделке с крестьянами. Это может повести к тому, что народ подумает, будто все сделано по желанию самого дворянства, и последнее, таким образом, не будет компрометировано» (Никитенко А.В. Дневник: В 3 т. / Подг. текста, вступ. ст. и примеч. И.Я. Айзенштока. М., 1955. Т. 1. С. 247).

9. См.: Долгих А.Н. О хронологических рамках и этапах развития крепостного права в России // История: факты и символы. 2019. № 3 (20). С. 33-42; его же. Проблемы истории крестьянского вопроса в России XVII – середины XIX веков: учебно-методическое пособие. Липецк, 2023; История России в

первой половине XIX века: учебное пособие / Сост. А.Н. Долгих, И.А. Шевченко. Липецк, 2022. Приведем здесь редко используемое в литературе мнение известного юриста XIX в. А.Ф. Кони о политике российского самодержавия в сфере крестьянского вопроса и о роли общественного мнения, в том числе произведений русских писателей предреформенных десятилетий, готовивших его к будущей реформе 1861 г.: «Крепостное право, несмотря на свое безобразие, было не только одним из "устоев" современного ему общественного устройства, имевшим по своему значению право войти в качестве четвертого члена в пресловутую трехчленную формулу Уварова, но представлялось глубоким бытовым и органическим явлением. Оно было сильно не только само по себе, но и помощью неожиданных союзников извне. Если нельзя считать серьезными и искренними предположения об его уничтожении со стороны Александра I в те минуты, когда "сфинкс, не разгаданный до гроба", начинал сентиментально "любить человечество" и после того, как, заступившись за черных невольников на Лондонском (?) конгрессе, вспомнил, что и у него в России существуют белые невольники, – то совсем нельзя того же сказать про императора Николая I. Последний искренне желал освободить Россию от позора, который, как бы в насмешку над справедливостью, носил название права. "Я не понимаю, – говорил он, – каким образом человек сделался вещью, и не могу себе объяснить этого иначе, как хитростью и обманом с одной стороны и невежеством – с другой. Этому должно положить конец!" Он ясно сознавал тот вред материальный и нравственный, который причиняла всему государственному организму такая внутренняя язва. Но общее настроение окружающих, возросших среди беззаботных выгод и удобств дарового труда, – раблепные уверения, что все обстоит и будет еще долго обстоять благополучно, – наряду с искусственно преувеличенными опасениями, высказываемыми со смелостью своекорыстия, – и, наконец, в особенности, тревожные впечатления, вызванные неожиданным внешним союзником крепостного права – западноевропейскими событиями 1848 и 1849 гг., – парализовало волю монарха, окутывая ее сомнениями и колебаниями. Он, всегда уверенный в своей силе и властный, не только избегал решительных мер в борьбе с рабовладением, но и не высказывался вполне определенно об упразднении крепостного права, говоря обыкновенно с доверенными лицами лишь о его преобразовании. Несомненно, что он желал видеть Россию освобожденною от крепостного ига, но захотеть этого и в таком смысле проявить прямо и бесповоротно свою волю – не находил в себе решимости. Поэтому все его царствование прошло в отдельных мерах, обсуждение которых было обставлено строжайшею "келейностью" и которыми предполагалось достигнуть смягчения не совместимого ни с человеческим, ни с государственным достоинством порядка. Но ничего цельного, пролагающего новые пути для народной жизни, сделано не было. Со своими великодушными желаниями государь был почти совершенно одинок среди сплотившихся вокруг него заступников существующего крепостного строя. Поэтому нападать на крепостное право, рисуя обратную сторону, т.е. глубокое бесправие массы и широкое поле для возможности злоупотреблений, было бесполезно; обращаться к уму читателей и к тому, что составляет *fundamentum regnum* к необходимости справедливости в отношениях между членами государства, т.е. действовать логическими способами или взывать к совести – не стоило: зло слишком глубоко въелось и стало большинству казаться естественным и, как законы природы, непреложным явлением. Для восприятия логических доводов нужен отзывчивый и непредубежденный ум, а совесть... как часто и в отдельных лицах, и в целых общественных слоях она спит или, в лучшем случае, дремлет! Оставалось действовать на чувство. И так как большинство мыслит образами, то в этой области и надо было почерпнуть оружие для своего воинствующего творчества», возбуждая у читателей либо «чувство жалости и стыда», как у И.С. Тургенева, либо – «печали и гнева», как у Д.В. Григоровича (Кони А.Ф. Воспоминания о писателях / Сост., вступ. ст. и коммент. Г.М. Миронова и Л.Г. Миронова. М., 1989. С. 49, 97-98).

10. См.: Долгих А.Н. А.Х. Бенкендорф и А.Ф. Орлов о крестьянском вопросе в России при Николае I // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей: IX–XXI вв.: Материалы III Международной научной конференции. Липецк, 1 марта 2012 г. Липецк, 2012. С. 166-172; его же. А.П. Ермолов и крестьянский вопрос в России // Тысячелетие развития общественно-политической и исторической мысли России: материалы Всероссийской научной конференции, 14-16 мая 2008 г. / Отв. ред. Р.В. Кауркин, науч. ред. Л.Е. Шапошников, Е.П. Титков. Нижний Новгород, 2008. С. 73-76; его же. Виктор Павлович Кочубей // Вопросы истории. 2009. № 2. С. 68-80; его же. Крестьянский вопрос в Негласном комитете // Власть и народ: проблемы взаимодействия (XVII – начало XX вв.): Материалы IV Бартеневских чтений. Липецк, 2010. С. 101-109; его же. А.А. Аракчеев и система управления с. Грузино Новгородской губернии: К вопросу о помещичьем попечительстве над крепостными в начале XIX в. // Прошлое Новгорода и Новгородской земли: материалы научной конференции 17-18 ноября 2011 г. / Сост. В.Ф. Андреев; НовГУ им. Я. Мудрого. Великий Новгород, 2013. С. 156-162; его же. Крестьянский вопрос во взглядах Н.С. Мордвинова // Актуальные проблемы изучения и преподавания всеобщей истории в школе и вузе:

- материалы Международной научно-практической конференции / отв. ред. М.В. Жолудов; РГУ имени С.А. Есенина. Рязань, 2017. С. 128-131 и др.
11. См.: Долгих А.Н. Дворянские проекты решения крестьянского вопроса конца XVIII – начала XIX в. // А.И. Кошелев и его время: материалы Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения А.И. Кошелева, 23-25 мая 2006 года / Отв. ред. П.В. Акульшин, И.Н. Гребенкин; РГУ им. С.А. Есенина. Рязань, 2007. С. 168-174; его же. Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2022 год. Государственная власть и крестьянство. Секция по проблемам аграрной истории научного совета по фундаментальным вопросам российской и зарубежной истории / Отв. ред. А.А. Горский, В.В. Кондрашин. Липецк, 2023. С. 45-54; его же. Поиски решения крестьянского вопроса в России в дворянских проектах конца XVIII – первой половины XIX в. // Российская история. 2023. № 1. С. 59-70. См. также: Дворянские проекты решения крестьянского вопроса в России конца XVIII – первой четверти XIX века: Сборник документов. Липецк, 2003; Крестьянский вопрос в России (1796–1830 гг.): Дворянское общество и власть: Сборник документов: В 2 т. Липецк, 2005; Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой четверти XIX века: власть и общество: Сборник документов: В 4 т. Липецк, 2008; Крестьянский вопрос в России в конце XVIII – первой половине XIX вв.: Сборник документов и материалов: В 4 т. Липецк, 2016.
12. См.: Акульшин П.В. П.А. Вяземский. Власть и общество в дореформенной России. М., 2001. С. 6-7; Шульгин В.Н. Русский свободный консерватизм первой половины XIX века: преемственность и развитие: Автореферат дисс... д.и.н. СПб., 2010; Долгих А.Н. Консерватизм, либерализм и крестьянский вопрос в общественно-политической мысли России на рубеже XVIII–XIX вв. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. 2015. № 2 (52). Ч. II. С. 70-73; Долгих А.Н. О понятии «либерализм» применительно к истории России первой половины XIX века // Гуманитарные исследования Центральной России. 2023. № 2 (27). С. 7-13 и др.
13. См.: Долгих А.Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...»: Российское дворянство и крестьянский вопрос в XVIII – первой четверти XIX в. Историографические очерки: В 2 т. Липецк, 2018. Т. 1.; его же. «Пороховой погреб под государством»: пути решения крестьянского вопроса в России в эпоху правления Николая I. Историографические очерки: монография. Липецк, 2022.
14. Вместе с тем отметим и гуманистическую сторону дела, связанную с реформой 1861 г. Начиная с конца XVIII в., с проповедей Н.И. Новикова, А.Н. Радищева, Н.М. Карамзина, В.А. Жуковского, каждого по-своему, идеи гуманного отношения к «поданным» («поселянам», по тогдашней терминологии), исходящих из религиозных в том числе соображений, все более проникали в общественную среду. Их нельзя недооценивать (Долгих А.Н. «Увижу ль, о друзья, народ неугнетенный...» С. 301-310, 332-350). На базе их постепенно растет миропонимание несправедливости существующего порядка, со временем, через 1-2 поколения люди, воспитанные, например, на произведениях сентиментализма, станут крупными правительственными «дельцами», представителями так называемой «просвещенной бюрократии», которые и будут главным «мотором» реформы, поскольку она будет проводиться сверху, силой монарха при слабой поддержке, скорее, против воли огромного большинства первенствующего сословия. Заметим, кстати, что последний факт был фактически элиминирован В.И. Лениным в серии статей о крестьянской реформе (1911 г.), но он был тоже важным для ее создания и дальнейшей реализации (См. об этом: Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина / Ред. и коммент. С.Я. Штрайха. М., 1951. С. 463-464, 688-690; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)... Т. 1. С. 394; Долгих А.Н. Консерватизм, либерализм и крестьянский вопрос... С. 70-73; Сергеева Н.И. Анализ количественных показателей действия указа о свободных хлебопашцах // Вопросы истории России XIX – начала XX в.: Межвузовский сборник / Ред. В.В. Мавродин. Л., 1983. С. 57-68. См. также: Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762–1914. М., 1995. С. 136-175; Мироненко С.В. Указ. соч. С. 100-195). Отметим в этой связи также и ставшее типичным рассуждение в современной историографии о том, что крестьянская эмансипация была проведена излишне рано (с чем мы не согласны) и негативно для экономики страны, что она привела (и, действительно, так было в первые годы после освобождения) к определенному ухудшению экономического положения бывших помещичьих крестьян – дескать, за добрым помещиком, защищавшим их от чиновников и от «чрезвычайных ситуаций», им жилось лучше (примеры – отец А.Н. Радищева, П.И. Пестель, А.С. Шишков и др.). Но за иными примерами далеко ходить не надо. Вспомним из них литературные, гоголевский и фонвизинские – Плюшкина, Коробочку, Манилова, Простакову, Скотинина – и примем за аксиому, что свобода все же лучше, чем рабство (См.: Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.)... Т. 1. С. 395-409; его же. Благосостояние населения и революции в имперской России. М., 2010. С. 542-543).

15. См.: Нифонтов А.С. Россия в 1848 году. М., 1949. С. 133-134; Остафьевский архив князей Вяземских. Т. 1. Переписка князя П.А. Вяземского с А.И. Тургеневым. 1812–1819 / Изд. графа С.Д. Шереметева, под ред. и с примеч. В.И. Саитова. СПб., 1899. С. 121.
16. История русской экономической мысли. Т. 1. Эпоха феодализма. Ч. 2. 1800-1861 гг. / Под ред. А.И. Пашкова. М., 1958. С. 252.
17. Наиболее значимым ее предшественником был труд Л.В. Черепнина, который, в основном, касался исторических взглядов ряда русских писателей преимущественно XIX в. и оценок упомянутыми в ней авторами тех или иных явлений, событий и деятелей российского прошлого и лишь в незначительной степени собственно крестьянского вопроса. (Черепнин Л.В. Исторические взгляды русских писателей. М., 1968).

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru